

- Итак, как вы познакомились с моей женой? - спросил Ся Юйцзинь.

- Мой отец был личным учителем семьи Е, - сказал Ху Цин после некоторого раздумья. - Я знаю генерала с детства.

Ся Юйцзинь улыбнулся.

- Она говорила, что была необычайно необузданной, когда была ребенком.

Ху Цин кивнул.

- Она была более чем необузданной. Она была хулиганкой, вот и всё. Она носила мужскую одежду с самого раннего детства. Она была неуправляемой и вспыльчивой, всегда расхаживала по городу с таким видом, словно это место принадлежало ей. Она издевалась над любым, чей внешний вид ей не нравился. Она стояла за каждым злодеянием. Старому генералу Е так сильно не нравилось ее поведение, что он поколачивал ее почти каждый день. Раз в две недели он кричал, что хочет вышвырнуть ее вон.

- Разве не все в Северной пустыне знали, что она женщина? - с любопытством спросил Ся Юйцзинь.

Ху Цин бросил на него быстрый взгляд.

- Как ты думаешь, они могли бы лучше сохранить свою репутацию с таким неуправляемым сыном или дочерью?

И то, и другое было источником стыда. Они, естественно, выбрали наименее постыдный вариант.

Семья Е была беспомощна перед отвратительным характером Е Чжао, поэтому они не могли позволить себе признать, что она девочка. Им пришлось заткнуть рты слугам.

Е Чжао была высокой, превосходно владела боевыми искусствами, и имела более крутой нрав, чем мужчина. Признать, что она девочка, было бы все равно, что указать на старого тигра и заявить, что видит овцу: никто бы этому не поверил.

Шло время, и все в Северной пустыне поверили, что в семье Е было три сына.

Но Ся Юйцзинь хотел понять самое главное.

- Если ты ненавидел ее, зачем утруждал себя слежкой за ней?

- Ненавидел ее? Может быть. - Мысли Ху Цина были немного спутаны. Он бессознательно вспомнил ту ночь, шесть лет назад, и снова погрузился в кошмар, от которого так и не смог очнуться.

Бушующий огонь окружал его, зловоние распространялось вокруг.

Пограничный пост в Северной пустыне пал. Семья Е стала первой мишенью, принявшей на себя основную тяжесть резни. Госпожа, наложницы, горничные, служанки - ни одна из них не была пощажена. Среди столбов пламени, уже достигавших неба, отец Ху Цина спрятал его в плетеной корзине в деревянном сарае, накрыв сверху толстым слоем сена. Он сказал ему: «Живи хорошо». Ху Цин беспомощно наблюдал, как солдат Мань Цзиня отрубил голову его отцу, даже не переступив порог, а потом, как они пинали и играли с ней, как с мячом, весело смеясь, соревнуясь, кто сможет забросить ее лучше и дальше всех.

Кровь медленно текла по голубым камням, проникая в плетеную корзину, пропитывая подолы его одежды, все еще теплая.

Тело его отца тихо лежало на земле, его старая сгорбленная спина уже погрузилась в вечный сон.

Он больше никогда не будет по ночам читать вслух «Четыре книги и пять канонов», пытаясь убаюкать его.

Его уши были наполнены радостными криками и смехом этих тварей, визгами женщин, яростным ревом мужчин, и был ли это трус Сяо Ма, безумно говорящий им: «Горите в аду»? Эта плачущая мольба о пощаде, была ли это добросердечная горничная, которая дала ему лекарство, когда он сам был ранен? На кухне восьмилетний сын тети Лю Сяо Мао взлетел в воздух, шлепнулся и покатился по земле, а затем лезвие пронзило его тело, и он перестал двигаться. Ху Цин больше не нужно было тайно учить его читать. Теперь он никогда не станет ученым, не так ли?

Кто еще? Кто еще мог быть еще жив?

Он потерял рассудок от паники.

Он сильно задрожал, ощущая будто тонет в густой и вязкой тишине.

С наступлением темноты эти варвары начал обыскивать всё вокруг, держа в руках факелы, говоря, что они хотят найти щенков семьи Е.

После тщательных поисков в их сеть так и не была поймана крупная рыба.

- Маленький убудок! Думал, спрячешься от смерти?

Солдат Мань Цзиня, нашедший его, сияя, вытащил его за шиворот из плетеной корзины. Затем он ошеломленно уставился на то, как его аккуратно разрезали пополам до самого пояса. Он рухнул на землю, все еще держась за Ху Цина.

Лежа в луже крови, Ху Цин поднял голову.

Смутно он увидел величественного и холодного Бога Войны, стоящего среди ослепительного пламени, подобно красному цветку лотоса.

Ее растрепанные длинные волосы слегка развевались на холодном ночном ветерке. Она была вся в крови; ее стеклянные глаза горели желанием убивать. В правой руке она держала меч, с которого капала кровь. Она протягивала к нему левую руку.

Он сел на землю, на мгновение лишившись возможности пошевелиться.

«Ну же, - сказала она. - Пойдем со мной».

Разбуженный ее твердым голосом, он, наконец, встал и, дрожа, последовал за ней к внешней стене у задней части дровяного сарая, где был тайный пролом, которым она пользовалась, чтобы ускользнуть из дома, когда ее наказывали. Выбравшись через него, они изрубили на куски двух солдат Мань Цзиня, затем проникли в два других дома. Полагаясь на знания Е Чжао, полученные во времена ее хулиганских выходов, они поворачивали то туда, то сюда, и вдвоем действительно сумели проскользнуть через линию окружения Мань Цзиня, сбежав в лес на горе У за пределами города.

Бегая всю ночь, он так устал, что не мог дышать, на его ноги, казалось, давила тяжелый предмет весом в тысячи цзиней, и он больше не мог двигаться.

- Давай сделаем перерыв. - Она остановилась на полпути к вершине горы, откуда открывался вид на ее подножие. - Пожар в городе становится все больше и больше, - тихо сказала она.

Ветер разогнал ее теплое дыхание и пронесся по верхушкам деревьев, наигрывая печальную мелодию.

Отчаянные крики все еще отдавались эхом в их ушах.

Два человека, которые ненавидели друг друга, стояли бок о бок, спокойно наблюдая, как бушующий огонь рисует большие полосы яркого заката на занавесе ночи, безжалостно пожирая их дома. Друзья из особняка Е, соученики из Академии Сичжи, драгоценные вина из дома Гуйсян, красоты Западной улицы, антиквариат из лавки Юэя, цветы сливы из павильона Ваньгу... Только потеряв, можно было по-настоящему понять красоту этих вещей.

Он мечтал вернуться домой во славе и почтить память своего отца.

Но где же теперь его дом? Где был его отец?

Он никогда не сможет вернуться назад.

Он никогда больше не сможет вернуться назад.

Свежий воздух хлынул в грудную клетку Ху Цина, страх рассеялся, боль пронзила сердце, и слезы, наконец, полились крупными каплями.

Шестнадцатилетний юноша, наконец, обхватил руками колени и хрипло заплакал.

Е Чжао молча простояла рядом с ним всю ночь напролет. Она ничего не говорила, но и не плакала. Она только смотрела на меч в своей руке, ее мысли было невозможно прочесть.

Воздух был тяжел от печали.

Когда забрезжил рассвет, она, наконец, заговорила.

- Я изучала боевые искусства с детства, но мой отец сказал, что я всё равно женщина, какой бы сильной я ни стала. Что мое будущее заключается в том, чтобы быть запертой в четырех стенах и видеть только небо. Никакие из моих тренировок не принесет никакой пользы, кроме как вызовет неприязнь у моего мужа.

Ху Цин поднял голову и удивленно посмотрел на нее.

Голос Е Чжао был холоден, как будто то, о чем она говорила, не имело к ней никакого отношения.

- Я горжусь тем, что от природы я лучше, чем любой мужчина, учусь лучше, чем мужчина, работаю усерднее, чем мужчина. Как я могу принять это? Поэтому я возненавидела своего отца и оковы, которыми меня сковывал мой женский пол. Я даже возненавидела всю твою семью и Северную пустыню. Каждый день я безобразничала, связавшись с дурной компанией и демонстрируя свою агрессивность. Эти придурки боготворили меня; насилие делало меня счастливой. Я даже украла верительную бирку моего отца и, подделав документы, повела солдат в бой. Я хотела разозлить его. Я хотела доказать себе, что я сильнее мужчины... Я подумала, что это могло бы разрушить этот кокон вокруг меня и принести мне некоторое облегчение.

Только душераздирающая боль могла заставить незрелых детей повзрослеть за одну ночь.

Е Чжао провела пальцем по иероглифу «Е», выгравированному на мече, и тихо сказала: «Когда я прибежала обратно в особняк Е, мама всё ещё дышала. Она вручила самый ценный меч моего

отца и сказала мне, что я, его дочь, была ребенком, которым он больше всего гордился и с которым больше всего не хотел расставаться. Достаточно людей из семьи Е погибло на поле боя. Мой отец надеялся, что я не буду рисковать своей жизнью, сражаясь на фронте, как мои старшие братья, а выйду замуж как обычная девушка и испытаю простое счастье».

Мать велела ей не мстить, а бежать, бежать на запад.

К западу от пограничного поста находился город Мэньци, до которого Мань Цзинь еще не добрался.

Ей следовало воспользоваться рассветом, когда бдительность стражей была на самом низком уровне, чтобы скорее сбежать туда.

Пожар над приграничным городом постепенно затухал. Их дома были почти полностью сожжены, и мало кто выжил. Осталась только ненависть.

Отец, мне очень жаль.

Я пока не могу исполнить твое последнее желание.

Е Чжао выпрямилась, оглядывая родную землю, находящуюся в руинах, и твердо сказала: «Северная пустыня - мой дом. В моих жилах течет кровь семьи Е; я властвовала над этим местом и совершила здесь много непростительных преступлений. Теперь, когда разразилась катастрофа, как я могу бросить людей Северной пустыни и сбежать?»

Она подняла меч своего отца, подняла верительную бирку своего отца, собрала остатки войск своего отца и вернулась на поле боя.

Она очистила совершенные ошибки кровью.

Она была полна решимости использовать свою жизнь, чтобы искупить свои грехи.

Е Чжао пошла на восток.

Утренняя звезда ярко сияла в небе, красивая и ослепительная.

Ху Цин вытер слезы, догнал ее и громко спросил: «Эй, невежда, ты даже читать толком не умеешь. Нужен военный советник?»